

Возвращение маленького человека в литературе постмодернизма

(от Александра Пушкина к Виктору Пелевину)

Человек есть нечто, что должно превзойти

Ницше. Так говорил Заратустра

Всё в этом мире — вопрос интерпретации

В. Пелевин

У ницшевского Заратустры вызывало отвращение то, что маленький человек всегда возвращается. В своем презрении к малым сам Ницше не задавался вопросом, остается ли вечно возвращающийся маленький человек неизменным. Но вопрос этот, видимо, возникал в сознании постмодернистов, создававших свою версию этого человеческого типа и перекраивавших гоголевскую шинель на новый лад. С учетом того, что писатели русского постмодерна примеряли на себя отнюдь не одну шинель и отнюдь не одного Гоголя, диапазон смыслов должен был бы существенно расшириться. Рассмотрим, как трансформировался комплекс свойств маленького человека в новейшей русской литературе.

Смысловое ядро темы маленького человека в классическом варианте составляют следующие компоненты:

1. материальное положение: бедность;
2. положение в социуме: низкий социальный статус, положение внизу иерархической лестницы;
3. властные возможности, определяющие способность влиять на общество: зависимость от вышестоящих, подчинение внешнему диктату, беззащитность;
4. неконфликтность: неспособность к конфликту, неумение отстаивать свои права; инертность;

5. жизненные цели: ограниченность устремлений пределами каждодневного труда ради средств для существования; сосредоточенность на сиюминутных утилитарных интересах, узкий кругозор, неразвитость;
6. самосознание: осознание себя маленьким человеком с ущемленным чувством собственного достоинства, с признанием невозможности иных перспектив, с отсутствием претензий к обществу и потребностей в собственном развитии (прежде всего, в духовном развитии);
7. религиозность: обращение к Богу чаще всего не свойственно персонажу, но является точкой отсчета для повествователя, противопоставляющего иерархическому устройству социума Бога как единственного носителя справедливости и равенства: только перед Богом все равны и малы;
8. позиция автора произведения: сострадание к слабым, защита их достоинства и человечности от несправедливо устроенного и бесчеловечного общества.

Компоненты эти сочетаются в индивидуальных художественных мирах Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Л. Толстого или Чехова, в разных пропорциях, получают разное освещение, но дают о себе знать как составляющие архетипа маленького человека в классической литературе.

Классический маленький человек – это человек низа общества, с большей или меньшей болезненностью сознающий свою незначительность в глазах *«значительных лиц»*. Это человек, который мало может, мало имеет и мало желает, довольствуясь тем, что есть. Это человек слабый, не защищенный должностью, богатством, связями или личными качествами, а значит, оказывающийся жертвой или игрушкой для тех, кто сильнее. Сюжет маленького человека – это история унижений и обид. Конфликт выстраивается как отчаянная и жалкая вспышка бунта, *«неравный спор»* (А.С. Пушкин).

Авторское отношение к маленькому человеку задано Библией, от которой, видимо, ведет свою родословную понятие маленького человека: «*смотрите, не презирайте ни одного из малых сих*» (Мф., 18, 10). Евангелие утверждает равенство и малость всех перед Богом и постулирует несовпадение земного значения человека и его значения для Бога; в конечном счете «*последние станут первыми*». Однако Библия не только указывает на необходимость милосердия и сострадания «к малым сим», но напоминает об ответственности каждого человека перед собой и Богом, об обязанности соответствовать, «*образу и подобию Божию*». В произведениях писателей-классиков, как правило, учитывается вся полнота библейских характеристик, хотя читатель чаще замечает одну грань – либо сочувствие к униженным и оскорбленным, либо обличение. Так, по Чернышевскому, Акакий Акакиевич - «*круглый невежда и современный идиот, ни к чему не способный*» и вполне заслуживает своей участи: «*причина бедствий и унижений*» гоголевского Башмачкина «*в нем самом, только в нем самом*» (1, с. 856).

Постмодернизм, ориентированный не на первичную, а на вторичную реальность, не отменяет классические образы, но вводит их в новую целостность, целостность пустых форм, или симулякров. Симулякр (франц.) – стереотип, псевдо вещь, пустая форма. У Платона «симулякр» - «копия копии». Маленький человек в постмодернистском художественном мире – такой же симулякр, как и реальность, в которой он пребывает. Английский философ Гилберт Райл как-то сказал, что для того, чтобы была возможность делать фальшивые монеты, должны существовать и настоящие. Постмодернисты производят свои копии маленького человека, не нуждаясь в оригинале, контаминируя копию с копией, скрещивая маленького человека с лишним или новым, классические типы с современными. Говоря о маленьком человеке в постмодернистской литературе мы вступаем в зону, которая едва поддается определению. Новые комбинации создаются причудливым смешением разнородных элементов. Все то, что в

традиционном представлении мыслится как несовместимые противоположности, в постмодернистском сознании легко гибридизируется. Постмодернистский маленький человек может выглядеть *«идеальным интеллектуалом»* (М. Фуко), или *«шизофреником в высшем смысле»* (Ж. Делеза), или психопатом, параноиком, садистом, некрофилом. Маленький человек может предстать даже маргиналом, образ жизни и мировоззрение которого не вписываются в рамки, принятые в данном социуме. А может явиться как зомби, представляющий собой запрограммированное существо, лишенное личностных свойств, неспособное к самостоятельному мышлению. Пространство между маленьким человеком и «значительным лицом» в постмодернистском мире условно и легко преодолимо. Демонстрируется пренебрежение ко всяким различиям, в том числе и к различию между «я» и «не-я», между бытием и небытием, между человеком и животным, между человеком и роботом, между мужчиной и женщиной. Бывшие партийные работники Андрон Павлов и Василий Цырюк становятся валютными проститутками Люсей и Нелли (Е. Пелевин «Миттельшпиль»). Человек превращается в животное, птицу или насекомое. Грани между субъектами то появляются, то исчезают, зыбки и неуловимы. Переосмысливаются возможности и границы человеческой индивидуальности, само понятие индивидуальности ставится под сомнение. Не только маленький, любой человек перестает быть центром постмодернистского мира, в котором в принципе не должно быть никаких центров. Постмодернисты мыслят в пустом пространстве, в котором присутствие человека и Бога - проблема, не требующая решений: *«В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека. Пустота эта не означает нехватки и не требует заполнить пробел. Это есть лишь развертывание пространства, где наконец-то можно снова начать мыслить»* (2, с.438). М. Липовецкий писал о том, что основой постмодернистской целостности становится *«фигура пустоты»* (3, с. 248). Так обеспечивается постмодернистская свобода, которой *«некому воспользоваться»* (3, с. 273).

В пустом пространстве, где уже нет человека, появляется симулякр маленького человека – одна из многочисленных кукол, которыми играют постмодернисты.

– *Что это такое – постмодернизм? – подозрительно спросил Степа.*

– *Это когда ты делаешь куклу куклы. И сам при этом кукла*

(В. Пелевин, роман «Числа»).

Игра с традицией, пародирование, ироническое воспроизведение сюжетных ходов и хода мысли, архетипических образов и конфликтов, все это используется не для того, чтобы дать образу маленького человека новую жизнь, но является средством обесмысливания некогда безусловных ценностей, иронического обыгрывания ситуации, которая в классической парадигме являлась квинтэссенцией гуманизма. В постмодернистском дискурсе мир не заслуживает серьезных отношения и нет святынь, над которыми было бы невозможно смеяться. Герой постмодернистских текстов - множественное «я» с деиерархизированными составляющими, которые обнаруживаются вразрез с логикой и читательскими ожиданиями. Разрушением ожиданий, сформированных классическими текстами, и определяется воспроизведение типа маленького человека в постмодернистских текстах.

Тема маленького человека оказалась столь значимой в аксиологическом тезаурусе классиков потому, что являлась своего рода лакмусовой бумажкой на человечность. П.А. Сорокин писал о том, что *«именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры»* (4, с.429). Ценностным центром мира в средневековой культуре был Бог. Ценности культуры нового времени формируются под знаком идей гуманизма. Гуманизм, сострадание, милосердие к человеку как жертве бесчеловечного общественного строя были основой и фундаментом классической русской литературы. Н.А. Бердяев заметил, что *«культура не*

есть осуществление новой жизни, нового бытия, она есть осуществление новых ценностей» (5, с.164). Культура постмодернизма не просто не «осуществляет» новые ценности – она вообще отказывается от ценностного фундамента. Ценностное поле, в которое постмодернисты помещают маленького человека, есть поле пустоты. Потому поиски героями ориентиров самоидентификации обречены на провал. Фактически постмодернисты обыгрывают не столько образ маленького человека, сколько идею человека, по определению маленького. Авторская позиция определяется «эстетикой безразличия» (Ихаб Хассан), реализующейся в стилистике иронического стеба. «Стеб» разрушает оппозицию между серьезностью и иронией, между принятием и отторжением, тем самым отказываясь от каких бы то ни было бинарных оппозиций, всегда балансируя в множественных промежуточных зонах» (6, с.489). Находясь в состоянии, которое «бинарному описанию не поддается» (6, с.495), В. Пелевин с дзен-буддистским спокойствием дистанцируется от своих персонажей, не давая повода заподозрить себя в сострадании или потребности защищать кого бы то ни было от бесчеловечности общества. Человеколюбие явно не входит в перечень постмодернистских добродетелей. Проявления эмпатии неуместны, если речь идет о виртуальной реальности и виртуальных фигурах, неотличимых друг от друга и взаимозаменяемых. В романе «Generation „П“» все взрослое население участвует в антирусском заговоре, все виновники и жертвы, некого и незачем жалеть. Персонаж Пелевина - человек, который превратился в фантом, в маску, в знак определенных идей или состояний, и в этом смысле оправдавший ожидания Ницше: «человек есть нечто, что должно превзойти». Пелевин неоднократно предпринимает попытки, как всегда у него ироничные, «превзойти человека», создавая свои версии ницшеанского сверхчеловека (см., например, «Священную книгу оборотня» или «Ампир “В”. Повесть о настоящем сверхчеловеке»). Жизнь «сверхчеловеков», по версии Пелевина, протекает «среди пеленок и неизбывных московских тараканов», а их

проблемы - «проблемы с пищеварением, деньгами и жильем» («*Generation „П“*»). Иными словами, пелевинский сверхчеловек столь же «придавлен жизнью», как и маленький человек, и разница между ними только в том, как они себя позиционируют. Перед сном герой «*Generation „П“*» Татарский перечитывает книгу о позиционировании, которую считает «своей маленькой Библией». Религией современного маленького человека, выбивающегося в «среднее сословие» (а именно этому сословию посвящен роман), становится позиционирование (не созидание!) себя. Переход индивида из одного статуса в другой не влечет за собой принципиальных перемен в сознании. И маленький человек, и сверхчеловек уравниваются в своем несоответствии «номиналу»: «*Это была пустая форма, которая уже давно не значила того, что должна была значить по номиналу*» («*Generation „П“*»). По Пелевину, различия между людьми мнимые: как бы они себя ни позиционировали, какую бы роль не выбирали, персонажи заполняют собственную пустоту чужим содержанием. В романе «Омон Ра» курсанты летного училища, преподаватели и руководство ассоциируют себя с Алексеем Маресьевым, Александром Матросовым, Павлом Корчагиным, а главный герой романа, Омон Кривомазов связывает себя с египетским богом солнца Ра. Персонажи, не имеющие собственной жизни, вынуждены выбирать «делать жизнь с кого». Потому так часто у Пелевина самоидентификация личности через набор вещей, замещающих отсутствие индивидуальных свойств. Персонажи отличаются друг от друга еще и галлюцинациями и кошмарами. Человеческое «я» - это «*фиксированный центр своих кошмаров*», по выражению одного из пелевинских персонажей («*Чапаяев и пустота*»).

Постмодернисты пренебрегают психологическим, социальным и историческим детерминизмом – тремя китами, которые держали на себе корабль реализма. Попытки найти логическое объяснение движениям фигурок на мониторе воспринимаются иронически. Тем не менее и в миропонимании постмодернизма есть свои аксиомы, как бы сами собой разумеющиеся скрепы для постмодернистских построений.

По Пелевину, сознание, или «внутренний космос» человека, определяется типами власти, а власть в России при всех революциях и перестройках по сути своей остается неизменной, соответственно «на уровне сути» не меняется и сознание русского человека: *«У меня есть подозрение, что на уровне сути в России вообще ничего никогда не меняется. Происходит нечто другое – к вам в гости постоянно приходит один и тот же мелкий бес, который наряжается то комиссаром, то коммивояжером, то бандитом, то эфэсбэшником. Главная задача этого мелкого беса в том, чтобы запудрить вам мозги, заставить поверить, что меняются полюса, в то время как меняются только его наряды. С этой точки зрения история России – это просто история моды».* (7). Оплаканный реалистами маленький человек с его страдающим ликом видится Пелевину меняющимся личины мелким бесом, но «на уровне сути» писатель-постмодернист не фиксирует изменений в постоянных малых величинах.

Каждое новое произведение Пелевина привязано к определенному этапу истории советского и постсоветского общества, повествуя о том, как поменялась эта мода и как выглядит новый костюм героя в настоящий момент. Но «внутренний космос» пелевинских персонажей, определяющий его место в мире, воссоздается чьей-то невидимой властью снова и снова. В пелевинском художественном мире персонажи имеют свое место, на которое они кем-то поставлены. И это обстоятельство – не собою выбранного места в мире - дает основания проводить параллели между самосознанием пелевинских героев и самосознанием маленького человека. То, что Ф. Лиотар называет специфическим *«состоянием ума»* современного персонажа, по существу есть очень близкое к подлиннику воссоздание низового сознания маленького человека - волею постмодернистского пера освобожденного от корректировки разума, морали и традиции. Постмодернистский маленький человек – это «совок», то есть то же униженное, забитое, недалекое существо, которое изображали классики XIX века, но помещенное в советскую или постсоветскую действительность. Примечательны

пелевинские характеристики «вечного» совка: *«Если понимать слово "совок" не как социальную характеристику или ориентацию души, то совок существовал всегда», «Совок - вовсе не советский или постсоветский феномен. Это попросту человек который не принимает борьбу за деньги или социальный статус как цель жизни. Он с брезгливым недоверием взирает на суету лежащего за окном мира, не хочет становиться его частью», «Совок влачил свои дни очень далеко от нормальной жизни, но зато недалеко от Бога, присутствия которого он не замечал» («Джон Фаулз и трагедия русского либерализма»).* Совек *«не принимает борьбу за деньги или социальный статус как цель жизни»,* не из высших соображений, а потому, что, используем формулу Ф. Ницше, лишен *«воли к жизни».* Неспособность бороться за место под солнцем и хлеб насущный не дает право на самоуважение тому, кто не замечает присутствие Бога в своей жизни. Впрочем, и автор, и его персонаж к присутствию или отсутствию Бога относятся, кажется, одинаково. Находясь *«недалеко от Бога»,* они осознают себя *«в ситуации венаходимости»,* как сказал бы М. Бахтин. В постмодернистском художественном мире уравниваются Бог и *«все остальные черти»* как сверхсилы, осуществляющие рационально необъяснимое воздействие на человека, которое не может быть соотнесено с соображениями Добра и Справедливости, но равно непостижимо для всех.

Постмодернистский совок – человек, жизнь которого творится чужой волей. «Лицом» постмодернизма становится персонаж, ощущающий себя беспомощной пешкой в игре неких непонятных иррациональных враждебных сил. Как и герой самого мрачного стихотворения Пушкина, постмодернистский персонаж вызван *«из ничтожества» «враждебной властью» («Дар напрасный, дар случайный», 1828)* и существует с пустым сердцем и холодным умом, не зная, кто и зачем управляет миром и людьми.

Безусловно, тип маленького человека дополняется у авторов рубежа XX-XXI вв. современными характеристиками. Так, современный герой

характеризуется тотальной зависимостью не только от социума, как его предшественник, но и от политических структур, идеологии, языка, собственного тела, подсознания, различных психических патологий и зависимостей, наконец, «тирании выбора» в ситуации равенства возможностей, а в особенности «диктатурой виртуальности». В повести «Принц госплана» компьютерное опьянение становится образом жизни, персонажи не отличаются от игрушечных фигурок, мелькающих в мониторе и проходящих один уровень игры за другим. Мотив подневольности человека играм, в которые заставляют вступать неведомая внешняя сила, необъяснимая внутренняя слабость, воспроизводится из произведения в произведение. Свои проблемы современный человек пытается решить с учетом достижений цивилизации, будь то новейшие психотропные вещества или «шизофренизация», с помощью которой, как полагает Ж. Делеза, преодолевается давление деспотизма. Но в целом историю русской литературы с точки зрения развития коллективного сознательно-бессознательного (именно этот ракурс доминирует в текстах Пелевина) можно представить как движение от типа к мутанту маленького человека. Герои Пелевина являют собой откровенную цитату, или наигранно стыдливую реминисценцию, или мнимое преодоление маленького человека, который вырастает в среднего человека или сверхчеловека. В телевизионной реальности, замещающей реальный мир, человек представляется лишь *«клеткой организма, который экономисты древности называли мамонной»* («*Generation „П“*»). Эта клетка должна *«поглощать деньги, чтобы уничтожить страдание от конфликта между образом себя и образом идеального "сверх-я", создаваемого рекламой»* (там же). И хотя Татарский поднимается в телевизионно-рекламной империи к вершинам могущества, он с его остроумными слоганами остается такой же безликой клеткой, как и нищий Акакий Акакиевич Башмачкин с его косноязычным «того». В постмодернистской игре мерцающими знаками и кодами легко происходит замещение *«объекта один»* на *«объект два»*. Собственно, такие замены

предусмотрел уже Гоголь: *«И на другой день уже на его месте сидел новый чиновник, гораздо выше ростом и выставявший буквы уже не таким прямым почерком, а гораздо наклоннее и косее»* (Н.В. Гоголь, «Шинель»).

«Маленький человек» Пушкина, Гоголя, Достоевского подавлен социальными условиями, унижен «значительными лицами», обречен на зависимое существование. Его перспективы роста, как духовного, так и материального, ограничены и социумом, и невысокими собственными запросами. Он готов довольствоваться минимумом, но не умеет обеспечить и сохранить и этот минимум от агрессии сильных мира сего, каковыми являются для него едва ли не все окружающие, начиная от квартирной хозяйки и портного Петровича и заканчивая «значительным лицом».

Образ современного маленького человека создается под знаком эстетики низа, и низ тела постмодернистичности изображают едва ли не более заинтересованно, чем верх. Тем не менее герои Пелевина, даже занимающие нижние ступеньки служебной иерархии, рассуждают о Блаватской и Бергмане, Соллогубе, Фрейте и Набокове, слушают Верди, Баха, Моцарта и Вагнера и *«способны видеть метафизическую функцию предметов»* («Девятый сон Веры Павловны»). У многих из них за «долгие годы духовной работы» (там же) накопился солидный багаж знаний, который, увы, не дает чувства свободы и полноценности жизни.

Герои Пелевина равнодушно-любопытны к внешнему миру. Связь между внешним и внутренним может видеться, например, так: *«Мы сами создаем мир вокруг себя и причина того, что мы сидим в сортире, - наши собственные души»* (там же). Но и внутренним состоянием души, которую наполняют всевозможной информацией, они столь же мало озабочены. Непрерывная духовная работа, которую ведут персонажи Пелевина, не требует от них особого напряжения, но зато обеспечивает внутренний комфорт. Вновь и вновь воспроизводится ситуация непрерывной духовной жвачки: *«И она погружалась в привычные неторопливые мысли, часто*

состоявшие из одного только начала и так и не доплзавшие до собственного конца, потому что им на смену приходили другие» (там же). Нет необходимости доводить мысль до конца, не результат, не плоды мысли, а процесс пережевывания мыслей является содержанием так называемой духовной деятельности. Духовное и материальное отождествляются как явления одного порядка: и то, и другое воспринимается как равнозначные и взаимозаменяемые средства потребления. Духовная пища для героев Пелевина именно пища, то есть удовлетворение потребностей на уровне физиологии, хоть речь идет вроде бы о духе. Смысл существования, тайны бытия прокручиваются в сознании персонажа не как искание духовных откровений о судьбах человека или человечества («быть или не быть?»), но как своего рода гимнастика ума, работа почти автоматически налаженных механизмов памяти и интеллекта, посредством которых нанизываются друг на друга причудливые мыслеобразы, вяжутся изощренные интеллектуальные узоры. Героям нужны «все эти уютные старые мысли, внутри которых ... душа так приятно сворачивалась в калачик» (там же) как возможность уйти от мира и от себя (постмодернистский вариант романтического отчуждения). Сотворением иллюзии духовной деятельности, иллюзии жизни занимаются герои рассказа.

И вот здесь обнаруживаются точки соприкосновения между классическим и постмодернистским маленьким человеком: их объединяет отсутствие потребности реально что-то изменить в мире или в себе. Маленький человек и XIX, и XXI века пассивно принимает наличные обстоятельства как внешней, так и внутренней жизни. Для героев постмодернизма собственное развитие отождествляется с накоплением информации, а развитие общества, как правило, с мировыми катаклизмами, ведущими не к созиданию, но к разрушению. Персонажи Пелевина не страдают от социальной несправедливости или политической реакции. И если они и стремятся к каким-то изменениям в общественной жизни, то разве что «для смеха». Так, уборщица мужского туалета в солипсическом

самомнении полагает, что именно она *«разбудила ... подземные силы»* перестройки и причину своего общественного рвения объясняет именно этими словами: *«для смеха»*. В комический контекст ставится деятельность Веры Павловны, думающей, что она *«управляет миром»*: *«Под ноги надо смотреть, дура старая»* (*«Девятый сон Веры Павловны»*). Любовно созданная Чернышевским Верочка, его *«новый человек»*, знающий, *что делать*, в рецепции Пелевина выглядит старой душой, не видящей, что у нее под ногами. Вера Павловна с ее девятым сном – самая опасная из постмодернистских копий маленького человека. Это маленький человек, вообразивший себя в состоянии управлять миром. Но в целом *«метафизический протест»*, (*«Time out»*) возникает у пелевинского персонажа лишь в ситуации, когда его зад соприкасается с раскаленной сковородкой, что делает *«вопрос о границах реальности и о том, могут ли они быть преодолены»* особенно актуальным.

Принципиальный сдвиг, осуществленный постмодернистами в рамках их постгуманистического мировосприятия, состоит в том, что, цитируя фрагменты сознания классического маленького человека, самим человеком писатели постмодернизма не интересуются. Эпитафия Акакию Акакиевичу Башмачкину - *«Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимания и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп...»* (Н.В. Гоголь, *«Шинель»*) - для читателей текстов В. Пелевина о разновидностях *«жизни насекомых»*, звучит как прогноз тех метаморфоз, которым подвергнется человек в искусстве постиндустриальной эпохи.

По Н. Бердяеву, бесценность личности в ее неповторимости и незаменимости: *«Тайна существования личности в её абсолютной незаменимости, в её однократности и единичности, в её несравнимости. Все индивидуальное незаменимо»* (8, с.24). Гоголь скорбит об уходе своего

незаметного персонажа, смысл жизни которого остался непонятым: «И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его и никогда не было» (Н.В. Гоголь, «Шинель»). Маленький человек умер, да здравствует скан идеи маленького человека! На место Самсона Вырина, Акакия Акакиевича Башмачкина, Макара Деушкина В. Пелевин ставит своих «атомов бытия»: «мы клетки одного бессмертного существа, непрерывно пожирающего самого себя» (рассказ «Происхождение видов»). Современный автор рисует целое поколение маленьких людей, одноклеточных персонажей, растиражированных во множестве копий и дублирующих друг друга. Роман «Generation „П“» заканчивается сообщением о варианте любимого героем видеоклипа: «по дороге один за другим идут тридцать Татарских».

Литература

1. Чернышевский, Н.Г. Полное собрание сочинений / Н. Г. Чернышевский. -Т. VII. - М.: Гослитиздат,1950.
2. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук /М. Фуко. – СПб., 1994.
3. Липовецкий, М.Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики / М.Н. Липовецкий. - Екатеринбург, 1997.
4. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. - М., 1992.
5. Бердяев, Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. - М., 2002.
6. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; предисл. А. Беляева; пер. с англ. — М.: Новое литературное обозрение, 2014.
7. Виктор Пелевин: история России - это просто история моды // (Интервью с В. Пелевиным). – Эл. ресурс: <http://pelevin.nov.ru/interview/o-gaz/1.html/>
8. Бердяев, Н. О рабстве и свободе человека. –Н.О. Бердяев. - М., 2006.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ